

В. Г. Короленко

Двадцатое число

(Из старой записной книжки)

В. Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 4
Библиотека "Огонек"
М., "Правда", 1953
[OCR Бычков М. Н.](#)

I

Это было перед "первыми свободами". В один осенний, мглистый, слякотный и тоскливый вечер я шел по Литейному проспекту. Неба не было видно. Вместо него, вровень с крышами, висела красновато-мутная мгла, из которой сыпался дождь, смешанный со снегом. Огни фонарей отсвечивались в лужах, уныло дребезжали пролетки, торопливо пробегали пешеходы под зонтиками. Магазины и лавочки закрывались, младшие дворники уже дремали на приворотных тумбах, вдали чуть вырисовывалась в тумане внушительная фигура городского.

Одним словом -- все было скучно, слякотно, обычно и тоскливо. Я спешил по Литейному домой, чтобы поскорее уйти от безнадежной тоски промокшей улицы, как вдруг между Итальянской и Бассейной меня остановила кучка людей у входа в маленькую подвальную мелочную лавочку. Какой-то господин, быстро шедший впереди меня под зонтиком, остановился с разбегу, сложил зонтик и, заглянув в подвал, в котором, впрочем, кроме нескольких пар ног, с тротуара ничего не было видно, спросил:

-- Что такое? Скандал? Буйство?.. По какому случаю?..

-- Так... Шумит тут один, -- ответили из кучки.

-- Палатский чиновник, -- пояснил какой-то господин в рыжем пальто, с рукавами, отороченными плюшем; у него было круглое довольное лицо, а глаза, как мне показалось, сверкали как будто гордостью.

-- Двадцатое число сегодня, -- пояснил кто-то.

-- Попадет под шары, -- вот те и двадцатое, -- сказал господин и пошел дальше.

В это время в лавочке произошло движение. Несколько пар ног топтались в куче... Кого-то старались вывести, кто-то упирался... По лесенке быстро выбежал лавочный мальчик-подросток в белом переднике. Его деревенское медно-красное лицо было оживленно, глаза радостно сверкали.

-- Дозвольте, пропустите... за дворником бегу, -- говорил он весело, чувствуя, что на нем остановлены любопытные взгляды...

-- Да ты постой... Что у вас там?.. Что за шум?..

Мальчишка остановился и, окинув спрашивавших сияющими глазами, ответил:

-- Взял пачку папирос... шесть копеек... А денег не дает...

-- Ну?

-- Ей-богу. Не дает -- и только... Я, говорит, дворянин... Хочу, говорит, -- плачу, хочу -- нет...

Я понял настроение этого мальчика: так скучно с утра до вечера стоять за прилавком, отвешивать хлеб, выдавать пачки папирос, как машина, и получать от таких же машин пятаки и гривенники. И вдруг -- на автоматическое действие следует совершенно неожиданный ответ...

Господин с плюшевой оторочкой тоже весело захохотал. Любопытные наклонялись ниже, заглядывая в лавочку, где суетня прекратилась. Теперь в самой середине, у прилавка, виднелась пара ног в клетчатых брюках... И среди затишья слышался приятный грудной голос, полный и торжествующий:

-- Дворянин. Понимаешь ты... Хочу -- иду, не хочу -- остаюсь... Никто мне не указ... Зови!.. Городового?.. Хоть околоточного. Чорта!.. Дьявола!.. Не боюсь никого на свете... Чиновник, дворянин. И притом еще октябрист...

Последняя фраза, произнесенная громко, с очевидным расчетом на то, чтобы ее слышали на